

Катаржина Дембска
Польша, Торунь

**О нормотворческой функции языка СМИ
(на примере названий женщин по профессии, должности и званию)**

Abstract: The author considers process to increase the quantity of vocational feminine forms in contemporary Russian language, especially in Russian press. This paper presents Russian vocational feminine forms with feminine suffixes (e.g., *-ка, -ша, -иха*).

Key words: vocational feminine forms, Russian press, feminine suffixes, modern Russian.

В последнее десятилетие названия женщин по профессии, должности и званию становились проблемой, широко обсуждаемой не только среди лингвистов. Спорными кажутся как формы многих из этих названий, так и обоснованность их употребления. Особенно ярко этот вопрос отражается в русском языке, в котором наблюдается рост числа дериватов с суффиксами *-ш(a)* и *-их(a)*, которые употребляются в функции названий женщин по профессии. Многими исследователями однако они считаются ненормативными. С помощью суффикса *-ш(a)* совершенно недавно образовались только названия женщин-жён своих мужей (мотивированные названием выполняемой ими профессии или должности, которую занимали), например *генеральша, инженерша, консульша*. Суффикс *-их(a)* зато образовал прежде всего названия самок животных типа *медведиха, волчиха* а также наименования жён мужей „низшего звания”.

Динамичное развитие языка, употребление новых носителей информации (в основном – Интернета), влияние субстандартных форм коммуникации на русский национальный язык, были причиной изменений как в употреблении, так и степени экспрессивности разного вида аффиксов (в том числе и суффиксов *-ш(a)* и *-их(a)*). Как справедливо замечает Галина П. Нещименко, „объём нормативных языковых средств не является данным раз навсегда, в зависимости от внешних, а также внутренних факторов их количественный и качественный состав может меняться” [Нещименко 2006: 178].

Исследовательница подчёркивает, что данный процесс особенно замечается среди феминативов русского языка, что связано с проникновением в публичный дискурс

элементов разговорного языка и дериватов, которые до сих пор признавались не вполне нормативными, а которые стилистически нейтрализировались и проникают даже в литературный язык [см.: там же].

Таким образом, стоит задуматься, связан ли рост названий женщин по профессии в формах женского рода с выполняемой СМИ функцией нормотворческого источника. Надо подчеркнуть, что в литературе предмета встречаются даже намёки на функционирование *НЯН – Новой Языковой Нормы* [см., например: Никипорец-Такигава 2004: 37]. Этот термин однако кажется не совсем удачным. По нашему мнению, Языковая Норма (как понятие) является постоянной – изменению подвергаются лишь её источники. Не будет преувеличением тезис, что такую нормотворческую функцию выполняют сегодня также (но не только) СМИ. Как замечает Галина Й. Никипорец-Такигава, „в наши дни языковая ситуация продолжает развиваться по пути возрастания влияния СМИ на русский язык как систему и на языковую компетенцию среднего носителя русского языка” [Никипорец-Такигава 2004: 33].

Также Галина П. Нецименко наблюдает „возрастание нормотворческой значимости языка СМИ” [Нецименко 2000: 13].

Факт переориентировки нормотворческой основы русского языка на язык СМИ кажется неоспоримым а темп сегодняшней жизни требует употребления экономных вербальных средств. С этим процессом в какой-то степени связано использование форм женского рода в названиях женщин по профессии, должности и званию, поскольку - согласно принципу языковой экономии - информация должна быть краткой, сжатой, ясной и понятной её адресату. Стоит здесь помнить о Принципе Кооперации Г. П. Грайса и его максиме ясности (*говори ясно!*), которую следует соблюдать в каждом коммуникационном акте.

Что касается названий женщин по профессии, должности и званию, то уже в 1939 году в сатирическом журнале „Крокодил” встречались иронические комментарии к их употреблению в форме мужского рода, которая может затемнять смысл высказывания: *Машиниста Степанова знаешь? – Ещё бы! – Женился. – На ком? – На начальнике станции* [цит. по: Фесенко 1955: 164].

В данном тексте интересным является сам глагол *жениться*, который обладает в русском языке двумя значениями: 1) *вступить в брак* (о мужчине) и 2) *вступить в брак, повенчаться* (о мужчине и женщине) [см., например Кузнецов 1998: 302]. Итак, машинист Степанов вступил в брак с начальником станции и только, приведённая в вопросе, форма фамилии машиниста (*Степанов*) может подсказывать, который из представителей данных профессий является мужчиной (в случае, если профессию машиниста выполняла бы женщина, вопрос должен звучать: *Машиниста Степанову знаешь?*). Однако, если представим себе, что фамилия машиниста не приводится и получается, например высказывание: *Нашего машиниста знаешь? – Ещё бы! – Женился. – На ком? – На начальнике станции*, тогда комический эффект ещё усиливается, но абсолютно не соблюдается максима ясности. В таких случаях, несомненно, употребление названия по профессии в форме женского рода можно было бы признать оправданным.

Стоит обратить внимание, что в споре на тему обоснованности употребления названий женщин по профессии в форме женского рода, на первый план выдвигается универсальная (генерическая) функция форм мужского рода. Поскольку, в случае названий по профессии, эти формы могут относиться как к мужчине, так и к женщине, то появляется вопрос, зачем «искусственным путём» образовать формы женского рода? По этому вопросу нет согласия даже среди феминистических организаций. Некоторые феминистки видят в формах женского рода обесценение данных профессий или

должностей, поскольку эти формы противоречат идеи равноправия. Особенно речь идёт о названиях с суффиксом $-k(a)$, который употребляется в словообразовании уменьшительных форм. Эту проблему пытался решить – не без успеха – В. В. Виноградов. Исследователь считал, что „в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. человек и отсутствие формы человекИца). В именах существительных, являющихся именами женщин идея пола ощущается резче и определеннее” [цит. по: Фесенко 1955: 163]. Согласно концепции Виноградова, слова мужского рода прежде всего выражают общее понятие о человеке (независимо от пола). Поэтому и могут относиться и к женщинам, если нет потребности дифференциации лиц по полу [см.: там же]. Виноградов однако оставляет как будто «калитку», через которую названия в форме женского рода могут появиться на свет. В головокружительном темпе развития языка и потребности скорого, сжатого перевода информации, всё чаще появляется необходимость подчеркнуть пол, без чего информация теряет прозрачность. Такая ситуация имеет, например, место в случае иноязычных фамилий: *Грибаускайте – бывший еврокомиссар* (когда речь идёт о президенте Литвы, Дале Грибаускайте, которая стала первой женщиной-главой государства в бывших советских республиках).

Интересным примером является также пара *герой-героиня*, которую приводят в своей работе А. и Т. Фесенко: „там, где элемент пола не играет основной роли, слово «герой» может относиться как к мужчине, так и к женщине: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда) [...]. Там же, где звание может относиться только к представителю одного пола, именно женского, употребляется соответствующая форма: мать-героиня (многодетная мать)” [Фесенко 1955: 164].

Что же касается словообразовательных средств (суффиксов), которые – по мнению многих исследователей – имеют негативную коннотацию, а именно:

–и(a), –их(a), –к(a), то стоит помнить, что экспрессивность таких средств также подвергается модификации и – что справедливо замечает М. Журек – „если слово обладает высокой употребительностью, то степень его снижения и грубости убывает, как бы выветривается. Так, существительное «врачиха» менее грубо чем «деканиха» или «оппонентиха», «кондукторша» менее снижено, чем «режиссёрша» или «дирижёрша»” [Журек 1997: 113].

Подытоживая настоящие рассуждения, можно прийти к выводу, что не должны казаться неожиданными, всё чаще выступающие в современном русском языке женские формы названий по профессии, должности и званию типа: *архитекторша, бизнесменша, инженерша, каскадёрша, деканша, ректорша, прокурорша, депутатша, менеджерша, гинекологиня, психологиня, министрша, охотница*... Стоит подчеркнуть, что уже в опубликованной А. Пстыгой в 1994 году монографии, посвящённой новой лексике в русском языке, исследовательница замечает, что данные формы „создаются довольно регулярно с помощью типичных суффиксов (-ка, -ица, -ница, -есса, -ша), выполняющих модификационную функцию и подчеркивающих половую принадлежность лица” (Pstyga 1994: 115). Итак, можно прийти к выводу, что названия по профессии в женском роде «борются» за своё существование в современном русском языке свыше пятнадцати лет.

Следует подчеркнуть, что проблема женских форм названий по профессии не является новой. Она обсуждалась в литературе предмета уже в 30-ые годы XX столетия, когда названия в женском роде функционировали в языке совершенно свободно. Этот факт также может казаться одной из причин того, что возвращение женских форм в современный язык вызывает разногласие. Бросив однако все споры, нельзя не заметить в русском языке последнего времени рост числа названий женщин по профессии, должности и званию в формах женского рода. Возможно, что данный процесс имеет

связь с ростом роли языка СМИ как нормотворческого источника современного языка и можно полагать, что газетные тексты с учётом таких форм женского рода, как, например:

Политический матриархат наступает по всем фронтам. Судите сами. Не так давно спикером палаты представителей конгресса США (это третья по важности политическая должность в Штатах) впервые в истории была официально назначена женщина лидер демократической фракции Ненси Пелоси. ... а в Финляндии и Латвии *президентши* Тарья Халонен и Вайра Вике-Фрейберга¹

Через несколько лет не будут редкостью. Этот факт можно связывать с осваиванием адресантом данных форм именно посредством СМИ.

Использованная литература:

Журек, М.: *Словообразовательные синонимы в сфере наименования лица в современном русском языке*. Кельце 1997.

Кузнецов, С. А.: *Большой толковый словарь русского языка*. Спб. 1998.

Нещименко, Г. П.: *О некоторых особенностях современной языковой ситуации и их теоретическом осмыслении*. In: S. Gajda (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Opole 2000, s. 9-67.

Нещименко, Г. П.: *Обозначение лиц женского пола в славянских языках в свете соотношения понятий: система-норма-кодификация-речевой этикет*. In: А. А. Лукашанец (ред.), *Функциональные аспекты словаутварэння. Доклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаутварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9-14 кастрычніка 2006*. Мінск 2006, с. 173-184.

Никипорец-Такигава, Г. Ю.: *Языковая норма в постсоветской социокультурной ситуации*. In: В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.), „Язык, сознание, коммуникация” 26/2004, с. 33-38.

Фесенко, А.; Фесенко, Т.: *Русский язык при советах*. Нью-Йорк 1955.

Pstyga A., *Nowe słownictwo rosyjskie. Struktura formalna i semantyczna rzeczownika*. Gdańsk 1994.

---

¹ См.: <http://www.izvestia.ru/search.html?query=%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%F8%E0>, «Известия» от 06.12.2006. Режим доступа: 28.07.2008.

